

Хозяйка магазина была весьма бесцеремонна:

— Не люблю натуральные кудри. Будешь ещё болтать — наценю.

Мио промолчал.

Львёнок, стоявший у его ног, подхватил:

— А как насчёт меня, сестричка? Скидку сделаешь?

Хозяйка покосилась на него:

— Сначала приведи в порядок своё гнездо. Но раз уж назвал сестричкой — дам тебе тридцать процентов.

Кевин дёрнул уголком губ, ухватил Освальда за рукав:

— И впрямь нашёл время, по магазинам шастать? Это ты придумал?

Освальд высокомерно выдернул рукав из его пальцев, отряхнул его и сказал:

— Ты и тот щенок внутри, если будете шлаться передо мной в этой одежде, неизвестно в скольких слоях грязи, я прикажу насадить вас на копыя и вывесить на стене для просушки на полмесяца.

Кевин:

— ...Стал императором, теперь всё можно?

Освальд бросил сухое «Да» и толкнул Кевина в дверь. Похоже, его действительно тошнило от этой одежды — он коснулся Кевина и сразу отдернул руку, будто пальцы сгнили бы, задержись они на мгновение дольше.

Когда взгляд хозяйки упал на Кевина, глаза её загорелись:

— Добро пожаловать! У нас торг не принят, но за такую мордашку дам пятьдесят процентов.

Затем она оглядела Освальда и улыбнулась:

— Тебе тоже пятьдесят, а если дашь потрогать свои мускулы — тридцать.

Освальд:

— ...

Кевин усмехнулся:

— Ему же едва совершеннолетие, и ты уже на него глаз положила?

— Врёшь, это ты только что из детства вышел! — насупился Освальд.

Мио вставил:

— Гос... ему двадцать один!

Кевин равнодушно бросил:

— Ого, как взрослый.

— Заткнись! — Освальд выхватил у Мио приготовленную одежду и грубо сунул в руки Кевину.
— Живо смени это тряпье, иначе я его порву.

Кевин без стеснения закатил глаза и, взяв одежду, направился в примерочную.

Мио отсчитывал деньги с выражением лица, которое говорило само за себя: «...» Закатить глаза на самого императора — это ж надо было объесться медвежьей желчью!

Пока Кевин переодевался, Освальд отправил Мио покупать гиппогрифа.

— Но мы же вроде не собирались покупать? — Мио чуть не подумал, что ослышался.

— Теперь собираемся, — холодно сказал Освальд. — Он снёс дверцу кареты — на чем нам ехать? И да, купи только одного. За дверцу он не заплатил, так что пусть бежит за нами на привязи до самого Сент-Антиса.

Кевин только что вышел из примерочной и сразу же напоролся на эту императорскую злобу: «...»

Мио всё казалось, что эти двое вот-вот передерутся, поэтому он поспешно схватил кошелек, ухватил львёнка за руку и удрал, не оглядываясь.

Кевин пробормотал себе под нос:

— Когда это щенок успел подружиться с Мио?

— Зато он не имеет дурацкой привычки хвататься за кулаки, если с трёх слов не договоришься, — язвительно заметил Освальд, затем покосился на Кевина: — Откуда этот мальчишка вообще взялся?

Кевин прикинулся дурачком:

— А?

Они направились в сторону Зброшенного храма Вороньего Гнезда. Освальд, прищурившись, разглядывал дома и лавки по сторонам и говорил:

— Не повторяй ту чушь, которую сочинил для Мио. Я слышал, как мальчишка бормотал о том, что ищет кого-то из семьи. Это совсем не совпадает с твоей выдумкой.

Кевин тоже слышал от львёнка что-то такое, но подробностей не знал — он и не думал, что дело так обернется. Пока он размышлял, что ответить, неподалёку группа людей с шумом направлялась в одну лавку, и их разговор долетал до ушей Кевина.

— А не страшно? Всё-таки это вещь для Королевства Золотого Льва.

— Какая разница? Господин... наш молодой господин так хочет. К тому же этот старый урод и так калека, ты что, всерьёз считаешь его подарком?

— Королевство Золотого Льва: все предыдущие императоры были покладистыми. Чего бояться

нового, только что взошедшего? Мы что пошлём — то и примут.

Кевин услышал большую часть разговора, Освальд тоже не пропустил ни слова; лицо его сразу помрачнело.

Кевин бывал в Землях Скитаний не часто, но знал их: большинство заведений он мог назвать по имени и ведал, чем там занимаются. Лавка, в которую ввалились те люди, оказалась чёрной игорной берлогой; там ставили на что угодно и рисковали чем попало.

Кевин и Освальд переглянулись и, не говоря ни слова, скользнули следом за той компанией в дверь.

— Люди из Страны Северного Нефрита, — прошептал Кевин, приглядевшись к ним вблизи. — Только вот непонятно, что именно они имели в виду...

Не договорив, он услышал, как внутри казино поднялся шум, гвалт и свист. Кевин и Освальд, пользуясь своим ростом, заглянули через головы.

Посреди толпы стояла огромная круглая клетка. В ней, возбуждённо кружа, метался Гринийский черноухий волк с железным ошейником на шее. Глаза его налились кровью, он скалил жуткие клыки. Зверь был огромен — на задних лапах он был бы ростом с двух человек, явно не обычный хищник.

С другой стороны клетки кто-то заталкивал внутрь грязного взрослого льва. Это был один из тех, кто говорил у входа. А заталкивали потому, что тот самый лев, «предназначенный в дар Империи Золотого Льва», оказался калекой.

По морде тянулся страшный шрам — от левого глаза до правого, глаза были слепы. Передняя лапа тоже была повреждена, он сильно хромал и не мог встать; его заталкивали на четвереньках, почти в коленопреклонённой позе.

Вот так подарок! Освальд оскалится в ледяной усмешке.

Много лет назад Империя Золотого Льва была сильнейшим государством на севере континента, и никто не мог с ней сравниться. Но теперь весь север и даже большая часть востока перешли на Новый календарь Северного Нефрита. Это крошечное государство, прежде ютившееся в ледяных пустошах, примкнуло к Песчаным призракам и, пользуясь их покровительством, стремительно расширяло свои владения, пожирая соседей; за последние семьсот тридцать лет оно плотно затянуло удавку на всём Северном материке. Нынешний правитель — Сапир Кинг — был законченным идиотом.

Неизвестно, что у него в голове не в порядке, но он с младенчества невзлюбил Королевство Золотого Льва, хотя то давно лишилось былого величия и при нескольких предыдущих императорах-гуляках почти скатилось до уровня городов-государств вроде Лейиня. Однако Сапир по-прежнему видел в нём занозу.

Он изощрялся в унижениях при любом удобном случае, открыто или исподтишка.

Вот, например, этот слепой лев.

— Десять минут назад эти ублюдки ползали на коленях и провожали Песчаных призраков, как дорогих гостей, — холодно процедил Освальд. — А теперь у них хватает наглости насмехаться над другими.

Ещё до своего восшествия он в частных беседах о Стране Северного Нефрита и Сапире говорил только четыре слова: «Долго не протянут». Но сейчас, стоя перед откровенным оскорблением, он не спешил бросаться этими словами. Он прищурился и, повернув голову к Кевину, сказал:

— Ненавижу позу на коленях. До отвращения.

Кевин перевёл взгляд на покалеченного льва и чуть приподнял подбородок:

— Кто ж не ненавидит.

Кто ж не ненавидит. Даже если выкололи глаза, обломали когти, сделали калекой — никто не хочет стоять на коленях.

И тут лев, которого затащили в клетку, внезапно низко рыкнул, больной лапой яростно царапнул землю и с огромным усилием выпрямился.

Тело его била дрожь — то ли от боли, то ли от невероятного напряжения, но точно не от страха.

Его слепые глаза выглядели жутко, однако голова, покачивающаяся из стороны в сторону, создавала впечатление растерянности: он, казалось, не понимал, где находится и что ему грозит. Все звуки противника тонули в гвалте и свисте окружающей толпы.

Гринийский черноухий волк, судя по всему, был чем-то напичкан или над ним как-то ещё поколдовали — глаза его наливались кровью, на белых клыках виднелись остатки мяса, казалось, он вот-вот обезумеет. Увидев, что в клетку ввели льва, он на миг замер.

Наклонил голову, приподнял переднюю лапу и принялся разглядывать нового противника.

Вскоре лапа опустилась, и он снова принялся кружить по клетке, раз за разом обходя её по кругу. Пользуясь слепотой льва, волк, проходя мимо, толкнул его два раза, и из глотки вырвалось низкое урчание — то ли предупреждение, то ли вызов.

<http://bllate.org/book/18285/1753178>